

И

1168

СОВРЕМЕННЫЙ ЖРЕЦЪ ИСТИНЫ

ОТВѢТЪ

Г-ЖИ ИГРЕКЪ (В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ)

Г-НУ ВСЕВОЛОДУ СОЛОВЬЕВУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1893

Вера Петровна Желиховская Е.П.Блаватская и современный жрец истины

Аннотация

«...на каком же основании г. Соловьев берется писать о женщине, которую так мало знает, и об ее деле, которого совсем не знает?.. Единственно на основании своих личных чувств и мнений?.. Но, если эти чувства и эти мнения менялись, подобно флюгерам, и в разные времена высказывались разное, – которым же заявлениям г. Соловьева надо верить? Он, без сомнения, может сказать, что тогда он ошибался, увлекался, был загипнотизирован, – как и утверждает по поводу своего видения Махатмы в Эльберфельде. Но если такие ошибки, увлечения и посторонние «внушения» – с ним вещь бывающая, – то где же основания читателям распознать, когда он пишет действительную правду, а когда морочит их»

Вера Петровна Желиховская

Е.П. Блаватская и современный жрец истины

Ответ г-жи Игрек (В.П. Желиховской) г-ну Всеволоду Соловьеву

Наговор этот худший из ядов, —
находит легкий доступ в мелкие умы.
Ювенал

Слушать явную клевету – ужасно!
Еще ужасней не возражать.
Овидий

Обязанность защищать ближнего, ужаленного ядом клеветы, столь же жизненный принцип истинного теософа, как и воздержание от осуждений вообще.
Блаватская

I

Игрек (У) весьма прозрачный, а потому не совсем добросовестный и совершенно ненужный псевдоним, данный мне г. Соловьевым в его интересных статьях «Современная жрица Изида», наконец, окончившихся в декабрьском № «Русского вестника».

Если эта латинская буква «У», которой остроумный автор прикрыл только наполовину мою личность, в большинстве случаев называя меня прямо «Желиховской», кого-либо ввела в заблуждение, то я очень охотно разоблачаю сама себя, снимая прозвище, данное мне, вероятно, с единственной целью представить на суд публики не только мои разговоры, веденные восемь лет тому назад, – какая счастливая память у г. Соловьева! – но и мои письма...

Не имея необходимости скрывать или особенно стыдиться моих слов и писем – если они переданы в их истинном свете, – я ничего против этого не имею; тем более что, давая такими действиями и мне возможность пользоваться, без излишних колебаний, имеющимися у меня данными, он оказал мне услугу.

Я, к несчастью, не могу пересказать дословно своих разговоров с нашим славным романистом, как это делает он; но у меня, благодарение судьбе, есть возможность безошибочно передать их сущность, так как я и моя дочь постоянно вели дневники. Таким образом, не претендуя бороться с г. Соловьевым в красноречивом умении показывать только свой товар лицом, рассказывать так живо и занимательно, перепутывая быль с небылицей, что у читателей, по большей части ищущих в чтении лишь развлечения, пропадает всякая охота к критическому анализу описываемых «фактов» (?), а только остается приятнейшее впечатление от занимательного рассказа, – я буду все же надеяться, что некоторые из них обратят внимание и на мои скромные показания в пользу умершей сестры, за которую некому, кроме меня, заступиться.

Я, прежде всего, обращусь ко всем честным и справедливым людям с вопросом: что, безусловно, необходимо знать человеку, который берется писать о другом человеке?.. Кажется, в ответе разногласия быть не может. Каждый, вероятно, согласится, что ему необходимо знать этого человека, его деятельность, а если же он автор, то и его сочинения?..

На это вот мои свидетельства, от которых – надеюсь, – не сможет отречься и сам «сочинитель» «Современной жрицы Изида»:

1. Г. Соловьев знал сестру мою, Елену Петровну Блаватскую, всего шесть недель в Париже да столько же в Вюрцбурге и несколько дней в Эльберфельде, где он оба раза навещал ее в качестве друга.

2. С ее деятельностью практической он тогда познакомиться не мог, потому что Теософического Общества в то время еще в Европе не было; также и переводов теософической литературы, – кроме сокращенной рукописи «Isis Unveiled», – первого ее произведения, которое она сама (печатно) аттестовала неудовлетворительным, сбивчиво и неясно написанным.

3. Со многими произведениями последних лет ее жизни («The Secret Doctrine», «The Key to Theosophy», «The Voice of the Silence», «Gems from the East», «The Theosophical glossary» – и множеством статей в журналах и газетах Европы, Америки, Индии) г. Соловьев не познакомился и их не знает, по причине совершеннейшего незнания английского языка, ибо переводов и поныне почти нигде, кроме теософических журналов, нет. А ведь он теософской ереси (?!), по собственному заявлению, ныне чуждается... Да хотя бы и не чуждался, и в ней еще не нашел бы полностью сочинений Блаватской, иначе, как по-английски. А что этот язык ему незнаком, он сам заявлял не раз, как далее будет, впрочем, видно. Например, прося мою сестру об инструкциях на случай поездки к ней в Лондон, он прямо говорит: «Пришлите мне подробнейшие указания, – ведь я немой для Англии!». (Письмо 22 окт. 1884 г.), а в другом письме восклицает: «Какая подлость, что я не говорю по-английски!».

Итак, на каком же основании г. Соловьев берется писать о женщине, которую так мало знает, и об ее деле, которого совсем не знает?.. Единственно на основании своих личных чувств и мнений?.. Но, если эти чувства и эти мнения менялись, подобно флюгерам, и в разные времена высказывались разное, – которым же заявлениям г. Соловьева надо верить?

Он, без сомнения, может сказать, что тогда он ошибался, увлекался, был загипнотизирован, – как и утверждает по поводу своего видения Махатмы в Эльберфельде. Но если такие ошибки, увлечения и посторонние «внушения» – с ним вещь бывалая, – то где же основания читателям распознать, когда он пишет действительную правду, а когда морочит их своими ошибочными увлечениями или невменяемыми утверждениями гипнотика?.. Я не знаю!

Что касается меня, то если б я, не дай Бог, показала на себя, когда-нибудь, такие ужасы нечестности и коварства, какие на себя взводит г. Соловьев (на стран. 51 февр. кн. «Русск. вестника»), – признаваясь, что он «преувеличил свое незнание английского языка», чтоб удобнее все подслушивать и разузнавать; или, что во все время знакомства с сестрой моей, он прикидывался ее другом, – с тем лишь, чтоб ее обмануть и набрать как можно больше о ней сведений, которые впоследствии ему послужили к ее вящему обвинению, – да я бы с места признала себя заполоненной вражьей силой!..

Уж куда лучше быть под злым внушением или признать себя временно расстроенным, умственно, чем самого себя обвинять в таких невозможных подвохах.

Помилуйте! За что ж весь православный мир корит последователей Лойолы, как не за их постыдное правило оправдывать средства – целью?.. Трудно верить, чтоб русский человек, известный писатель, поборник православия и гонитель всяческих ересей, каким себя провозглашает г. Соловьев, хладнокровно признавался в таких поступках, не будучи под влиянием какого-либо злостного «вселения» темной силы его обуявшей, или по крайности, болезненного бреда, делающего его неответственным в словах.

Я удовольствуюсь последовательными и по возможности краткими возражениями на его удручающие обвинения.

Начнем по порядку, с феврал. № «Рус. вестн.».

Меня, право, трогают горестные возгласы г. Соловьева о том, как он «желал бы забыть все то, что знает о несчастной Ел. Петр. Блаватской» !.. Как бы ему приятно было не касаться своего заветного «пакета с документами» (!!) против нее, – если б это было возможно!.. Одинаково тронута и поражена я упреками его в том, что я, – я одна виновата в нанесении ему этой нравственной пытки, своей беспримерной дерзостью: ознакомлением русских людей с хорошим мнением о ее деятельности и сочинениях некоторых умных иностранных писателей... [1]

Могла ли я предвидеть такой печальный результат моих писаний?!

Никак не могла и не ожидала, а вследствие именно этого еще сильнее чувствую нравственную обязанность оправдать ее хоть от некоторых его... ошибочных нападок, происходящих от непонимания им дела и целей сестры моей.

Г. Соловьев доказывает, на примере (стр. 43), что «феномены неразрывно связаны» с Теософическим Обществом и моей сестрой; что из-за них она «превращалась в фурию» и очень недоволен, что я, сестра ее, умалчиваю об этом, совершенно забывая в своем благородном гневе, что даже, если б он был и прав, так ведь самый закон милосердно освобождает кровных родных от обвинительных показаний. Кроме того, он, очевидно, забывает, что, никогда не интересуясь, как он, собственно, «чудесами», я и прежде не придавала «феноменам демонстративным», – так сказать, материальным, никакого значения в теософическом деле. Другое дело, проявление сил психических, каковы ясновидение, духовидение, психометрия, чтение мыслей и т. п. высшие духовные дары: их я всегда в сестре признавала. Да не пеняет на меня г. Соловьев за то, что, не будучи очень близко знакома, *de facto*, с Обществом, основанным моей сестрой, я и в этом вопросе более полагаюсь на мнение «иностранцев» близких к делу, чем на произвольные заключения свои или его: большинство самых преданных делу теософов, как г-жа Безант, профессора Бак, Фуллертон, Эйтон и множество ближайших сподвижников Е.П. Блаватской, в последние годы жизни ею приобретенные, – никогда, никаких чудес, видений или просто тех факирских фокусов, которые сама она называла «psychological tricks»[2], – не видали, не интересовались ими, и разговаривать о них не желали. Они в них не признавали никакой важности, ни малейшего значения. Точно такое же мнение о феноменах выражали и видевшие их, как, например, д-р Фр. Гартман, который их не отрицает, но положительно отрицает их необходимость или важность. Он даже, по этому поводу, написал сатирический роман «The talking Image of Uttur», где смеется над людьми, в них полагающими все значение теософии. А если б Блаватская не сочувствовала его мыслям, то, разумеется, не напечатала бы его в своем собственном лондонском журнале «Люцифер».

Приводить здесь пространные мнения выше названных и других, лучших работников и писателей между теософами, которые находят, как и все знающие близко дело, что несдержанные рассказы Олкотта, Синнетта, отчасти Джаджа и других приверженцев феноменальной стороны учения, много повредили их делу, – здесь невозможно; но ведь теософические журналы Индии, Америки и Европы открыты для интересующихся специально этим вопросом. Есть и нетеософические органы, как, например, лондонские «The Agnostic Journal», «The Review of Reviews» или «The North American Review», и многие американские периодические издания, которые очень дельно говорят о теософии, не придавая никакого значения феноменам – и не принадлежа членам Общества. На стран. 611-й «Русского обозрения», в моей статье «Е.П. Блаватская», желающие могут прочесть о ней и деле ее мистера Стеда, издателя «The Review of Reviews»; там же можно найти и указания на статьи и людей, подтверждающих мое мнение. А именно: что видящий и придающий значение в теософическом учении одним феноменам, – астральным полетам да письмам Махатм, уподобляется червю, созерцающему лишь кончик сапога великолепно одетого человека.

Смело утверждаю, что, несмотря на не совсем учтывое и совершенно неосновательное мнение г. Соловьева о неверности моих показаний и возможности, по его убеждению, подтасовки и неаккуратности переводов, все, указываемое моими ссылками, будет достоверно найдено, и все переводы окажутся верными. [3]

Уж такая странность г. С-ва: внушать читателям собственные, ни на чем не основанные предубеждения и, голословно обвиняя других в слабостях, ему самому присущих, – твердо рассчитывать, что ему все поверят, как безусловному авторитету. Он то и дело бросает подозрение на верность моих ссылок, которых верно сличать не трудился; а то, иногда и просто – конечно, по рассеянности – приписывает мне лично показания и убеждения совсем других людей, против мнений которых я и сама часто ратую... Эти ошибки будут мною везде указаны, и вот, для начала, пример.

Г. Соловьев пишет (стр. 42, февраль): «Если б сочинения Е.П. Блаватской были, как рассказывает г-жа Желиховская, произведениями ее таинственного учителя, великого мудреца-полубога, диктовавшего ей...» и т. д. Отсылаю всякого грамотного человека к моей статье в ноябрьской книге «Русск. обозрения» за 1891 г., и там он сам прочтет в главах III, IV и VI, как я не верила этой диктовке; как восставала против этого показания, серьезно опасаясь за рассудок моей сестры, и ей самой прямо высказывала это недоверие.

Из чего же г. Соловьев заключил, что я, в то время даже не верившая в существование самих Махатм, утверждаю то, против чего сама же восставала?.. Он, верно, невнимательно прочел мою статью, иначе знал бы (стр. 269 «Русск. обозр.»), что я даже была повинна в непонимании возможности внушений, которую мне объясняла сестра в письме, начинающемся со слов:

«Ты вот не веришь, что я истинную правду пишу тебе о своих учителях. Ты считаешь их мифами...» и пр.

Вот, что заметил бы г. Соловьев в «моих» рассказах... Повторяю: я, когда-то, имела даже глупость не верить внушениям, тогда, как он широко допускал их могущество. Я вижу это из его указаний на будто бы внушенное ему моей сестрой видение Махатмы Мории. Ведь он его не только лицеизрел в продолжение целого часа, но даже имел с ним конфиденциальный разговор о своих интимных делах, – как печатно сообщил в журнале лондонского Психического Общества. Все это под влиянием коварного внушения Блаватской! Мало этого: там же, в Эльберфельде, она еще «внушила» ему такой разговор, который пришелся, – как калоша к сапогу – к смыслу письма, вложенному этой самой «ужасной женщиной» «заранее» в тетрадь, которую он сам, г. Соловьев, держал в руках... Это изумительное происшествие красноречиво описано им самим в письме, о существовании которого, вероятно, он забыл, ибо я с изумлением нахожу (на стр. 205, апр. «Р. в.»), что он нашел более для себя удобным его заменить выдуманной им смехотворной сценой, которой никогда не бывало... Охота уступать такие преимущества, ему лично оказываемые Махатмами, бедному Олкотту!.. Все от забывчивости!.. Но я, в своем месте, восстановлю это событие в его истинном свете, письмом самого «жреца истины» (тоже fin de siècle[4]?) г. Соловьева.

Как бы то ни было, забывает или чересчур запоминает он факты, но они остаются фактами, и из них ясна полная непоследовательность его. Почему же Блаватская ему внушала и видения, и разговоры; а он не хочет допустить, чтоб кто-нибудь, сильнееший ее, мог и ей внушать умные вещи?.. Мне, вот, никогда внушений не было, и я долго им не верила, имея на то полное право; господин же Соловьев никакого права не имеет отрицать возможность влияния других на Е.П. Блаватскую, коль скоро он уверенно заявляет, что сам находился под влиянием ее зловердных внушений.

Кажется, это ясно?

III

Повинуясь хронологическому порядку, я здесь обязана по чести заявить, что весь разговор г. Соловьева с моей сестрой, по поводу мистера Джаджа (стр. 55), есть положительно плод его романической фантазии.

Все сколько-нибудь знающие м-ра Джаджа, его прошлую и настоящую деятельность и постоянные к нему отношения Е.П. Блаватской, несомненно, подтвердят мое показание. Этот очень уважаемый в Нью-Йорке законник, издатель журнала «The Path», бывший (со дня открытия Общества) представителем американских теософов, ныне единодушно избранный будущим президентом всего Теософического Общества, – вместо, по кончине сестры моей, желавшего выйти в отставку полковника Олькотта, – никогда не был похож на мрачного злодея, которым г. Соловьеву вздумалось его выставить.

Мне, конечно, могут не поверить более доверяющие показаниям г. Соловьева, тем не менее, я должна заявить, что, почти каждый год, встречая Джаджа у сестры моей в Лондоне, знакомая с их перепиской, я достоверно знаю, что она не могла ни думать о нем дурно, ни, еще менее, так его порочить пред посторонним человеком, видимым ею во второй раз в жизни.

На удостоверение г. Соловьева в том, что ему верно известно (?!), что я сама была членом Теософического Общества (стр. 60), – я отвечать документально не стану, видя в этом лишь безобидное для меня заблуждение; что же касается до следующих за сим непосредственно уличений меня в невежество, я и совсем спорить не стану. Я даже поблагодарю его за доброе желание просветить меня к концу моей жизни, дав мне уразуметь разницу между супостатом Арием и – древними арианами или арийцами, о которой я, по мнению его, позабыв тексты учебников начальных школ, утратила всякое представление...

Но вот за что я уж никак не могу его благодарить: зачем он отрекается от собственных слов и собственных желаний?.. Зачем говорит (стр. 69), что удивился, когда ему «случайно попались» мои корреспонденции из Парижа в одесские газеты в 1884-м году, явно этим нарушая истину!.. Я тогда же, возвратившись в Одессу, поспешила ему послать сама свои фельетоны в «Одесск. вестн.» и «Новорос. телеграфе», потому что ведь мы с ним там сговаривались писать их, я – в провинциальных, он – в столичных газетах. Почему же он тогда сразу не удивился моим на него «поклепам»?.. Почему, будучи со мной после этого в продолжение двух лет в постоянной переписке и в величайшей дружбе, он никогда не заявлял мне своего неудовольствия по поводу того, что я в них упоминала его имя и ссылалась на его свидетельство?!

Почему же, наконец, сочинитель эпопеи «fin de siècle» ни полусловом в ней не упомянул о том, что «о феноменах» не я одна писала, а корреспондировал и он, да еще как красноречиво! Желавшие убедиться в этом красноречии да обратятся к журналу «Ребус» (1 июля 1884 г.) и да прочтут рассказ г. Соловьева под заглавием «Интересный феномен». Это один из позабытых им, о которых я, в числе многих других, могу напомнить ему отрывком (его касающимся) из собственного письма его, от 6/18 августа 1884 г. сестре моей, в Лондон:

6/18. Авг. 1884 г.

Paris. Rue Pergolese.

«...Alea jacta est [5] – мое письмо в «Ребус» подняло уже некую бурю, и меня начинают засыпать вопросами: что? как? неужели?.. Ma ligne de conduite est tranchée[6] – и вы ее должны знать. Насмешек не боюсь, к эпитетам глупца, сумасшедшего и т. д. равнодушен. Но за что вы от меня отказываетесь?.. Я не могу думать, что какой-либо «Хозяин» (Махатма) сказал вам, что вы ошиблись, и что я вам не нужен!».

Вот как прежде г. Соловьев боялся, чтоб Е.П. Блаватская не послушалась своих «учителей» – когда они стали говорить, что он Обществу «не нужен»! Это знаменательно... Но впоследствии он позабыл это обстоятельство, как позабыл и самое существование фельетона в «Ребусе», – обвиняя меня одну в письмах, которые любопытные писали ему по поводу феноменов?

У него вообще память очень своеобразна: то он запоминает от слова до слова разговоры, веденные восемь лет тому назад, то забывает вещи, случавшиеся гораздо позже. Так, например, он страшно меня разудивил (на той же 69-й стр.) замечанием: почему я ни одним словом не упоминаю о нем в биографии сестры моей... Я очень резонно могла бы ему отвечать, что в такой маленькой заметке о такой большой женщине и таком значительном деле не может быть речи о людях, бесследно мелькавших на пути их, как промелькнул он со своей единственной, тоже им одураченной (как и мы были одурачены когда-то!) сторонницей, *m-me de Morsier*. Ведь это он силится доказать, что нанес великий ущерб Теософическому Обществу; а на самом-то деле «l'incident Solovief»[7], как в то время называли кутерьму, поднятую его же ухищрениями, в миниатюрном кружке парижских *quasi* теософов, прошел «Обществом» почти незамеченный и ровно никакого следа в нем не оставил.

Казалось бы, как не знать этого г. Соловьеву и не удовольствоваться такой ясной причиной. Но он ею не довольствуется, и заставляет меня ставить точки на *i*. Говоря же его словами, – он «не позволяет мне забыть моего пакета с документами» и принуждает рассказать, какую неблагоприятную роль он сыграл в кратковременных сношениях с моей сестрой, и доказать, что, не поминая его имени без нужды, я только щадила его.

Впрочем, могу и еще напомнить ему факт, принадлежащий ко многим, бесследно им позабытый: он сам неоднократно просил меня и всю мою семью никогда не поминать его имени в соединении с именем Е.П.Блаватской или ее Обществом. Я охотно исполнила его желание, тем более, что мне и самой претит касаться этих крайне тяжелых воспоминаний. Уверяю г. Соловьева, что никакого расчета на его «человеческую слабость», а еще менее «на его стыд» – ложный или не ложный, – у меня не было; а я просто оказывала ему снисхождение и была уверена, что он будет мне благодарен за мое молчание, – насколько человек, подобный ему, может испытывать благодарность – это свойство великих душ...

Вижу теперь, что еще раз в нем ошиблась и, разумеется, буду отвечать прямыми опровержениями на его не всегда прямые показания.

Закончу обзор первых 4-х глав статьи г. Соловьева восстановлением еще нескольких его... ошибок.

На страницах 70-х он перечисляет всех, кто, по его заключениям, бывал в Париже у Е.П. Блаватской, определяя их точное (!) число в 31-го человека... «Ну, скажем, тридцать пять (курс. автора), – милостиво прибавляет он, – на случай, если бы я забыл, кого-нибудь из совсем уж, вообще или в то время, невидных, без речей...». Ну, как же не заметить, что г. Соловьев, коря меня за то, что я «пишу историю, как повести для легкого чтения», – сам непростительно увлекается своей фантазией присяжного романиста?.. Почему думает он, что его статистическим спискам лиц, знакомых его знакомым, все обязаны верить непреложно?.. Словно он служил у моей сестры консьержем и делал отметки всем входящим и исходящим!..

Я жила в доме ее во все время пребывания Е.П. Блаватской в Париже, ежедневно писала дневник, но знаю, что и в него вошли далеко не все ее посетители и никогда не могла взять на себя их перечисление, – занятая своими делами и довольно часто отлучаясь из дому. Знаю лишь достоверно, что в доме был постоянный водоворот посетителей. Каким же образом посторонний человек, бывавши, правда, почти каждый день, но все же не целыми днями сидевший у нас в гостиной, может подводить итоги и представлять именные списки (да еще с аттестатами зрелости или незрелости – в придачу!), уверенно определяя даже число посещений, чужих гостей?! Можно мнить себя непогрешимым папой, но, кажется, неудобно себя самого заявлять им.

Некоторые определения г. Соловьева я положительно должна оспорить, не входя, разумеется, с ним в препирательства насчет множества им пропущенных лиц, а тем менее насчет того, кто сколько раз, – один или десять, – бывал у сестры моей.

Свое личное мнение, до некоторой степени, никому не воспрещается заявлять, но нельзя так бесцеремонно превозносить качества и преимущества своих друзей, в ущерб другим и в явную клевету на своих недругов. Напрасно г. Соловьев, провозглашая таланты г-жи де-Морсье, называет ее «настоящим автором теософических брошюр, издававшихся под видом произведений дюшессы де Помар, леди Кейтнесс», – аттестуя эту последнюю какой-то полоумной. Lady Caithness издала и издает не одни теософические брошюры (она во многом с учением теософическим не согласна); она написала несколько увесистых, более или менее философских сочинений и постоянно издает журнал «L'Augore». Как очень богатая женщина, она хорошо платит г-же де Морсье за то, что та переводит ее рукописи с английского языка, на котором легче писать леди Кейтнесс, на французский, – которым она не так свободно владеет; быть может, m-me de Morsier, исполняет и еще какие-нибудь редакционные дела – я не знаю; но следует ли из этого, что она пишет, а герцогиня пользуется ее славой?..

Я довольно близко знаю леди Кейтнесс; мы иногда переписываемся о вещах, нас интересующих; я уважаю ее за верность дружбы ее с моей сестрой, несмотря на многие несогласия во взглядах, и мне было бы приятно, если б мои показания могли осилить далеко неверное свидетельство г. Соловьева. В виду этой цели, я написала ей, прося ее засвидетельствовать мою правду, и вот что получила в ответ:

29 дек. 1892 г.

Париж. Avenue de Wagram 124

«Дорогая m-me Jelihovsky, госпожа де Морсье была у меня, когда я получила письмо ваше касательно мнения г. Соловьева о моих статьях. Я очень возгордилась тем, что он счел их достаточно хорошими, чтобы принадлежать ее перу... Но только это не так: я пишу их сама, а она так добра, что их переводит на французский язык.

Я, конечно, ей прочла ваше письмо, и она просила у меня позволения сама написать и сказать г. Соловьеву, что он ошибся; ибо она слишком правдива, чтоб ему позволить остаться под впечатлением, что мои статьи – ею написаны. Что за странный он должен быть человек, чтобы так думать!.. Но, как я уж ранее заявила, – я принимаю это за комплимент, зная, как он преклоняется перед m-me de Morsier. Только боюсь, что, узнав правду, он больше никогда не захочет читать моих писаний... А это было бы очень печально, так как они весьма религиозны и нравственны, и рассчитаны на то, чтоб делать дурных людей – добрыми, а хороших – еще лучшими!..».

Подписано: «Мария Кейтнесс, герцогиня де Помар».

Несколько дней спустя, я получила, неожиданное мной никак, письмо от самой главной сподвижницы г. Соловьева, г-жи де Морсье.

Вот оно.

28 янв. 1893 г.

Париж. Ул. Клод-Бернар 71.

«Madame, герцогиня де Помар мне сообщила, что вы ей пишете, что г. Соловьев напечатал в русском журнале, будто я пишу статьи и брошюры, которые она подписывает.

Я непременно желаю удостоверить вас, что это показание неточно; что никогда, ни в какое время я ничего другого не делала, как только переводила творения герцогини де Помар и старалась их даже переводить построчно. Я бы хотела, чтоб по этому поводу не было ни малейшего сомнения, и вследствие этого и пишу вам эти строки.

Примите и пр.

Эмилия де Морсье».

К этому письму присоединено письмо г. Соловьева к г-же де Морсье (от 2/14 янв. 1893 г.), которым он удостоверяет, что «она сама, г-жа де Морсье, ему никогда не рассказывала о характере ее теософических и литературных работ с герцогиней и что эти сведения он почерпнул... из другого источника» ...

Точно также неверно говорит г. Соловьев и о графине д'Адемар, из которой он делает пустоголовую, эмалированную куклу. Он объявляет, что «никогда от нее не слыхал хотя бы чего-нибудь чуть-чуть теософического» ... Очень быть может, что он и ничего не слыхал, но если бы он имел обыкновение вникать добросовестнее в данные, которые провозглашает за истинные, то не мог бы не узнать, что графиня несколько лет издавала журнал, которого экземпляры лежат и теперь передо мною. Вот его заглавие:

«Revue Thésophique». Redacteur en chef: H.P.Blavatsky. Directrice: Comtesse Gaston d'Adhémar.[8] Из этих двух фальшивых показаний можно судить о других.

На странице 72-й г. Соловьев приводит письмо к нему Шарля Рише, очевидно, писанное после переполоха, наделанного между горсточкой парижских теософистов легковерной M-me de Morsier? Вследствие веры ее в – опять-таки неверные, – свидетельства того же Вс. С.Соловьева. В этом письме Рише выражает недоверие к Блаватской и ее делу, – то есть собственно феноменам. А вот, как сам Всеволод Сергеевич расписывает о нем, в одном из писем своих к ней.

«Сегодня провел утро у Рише и опять-таки (sic) много говорил о вас, по случаю Майерса и Психического Общества. Я положительно могу сказать, что убедил Рише в действительности вашей личной силы и феноменов, исходящих от вас (курс. авт.). Он поставил мне категорически три вопроса. На первые два (?) я ответил утвердительно; относительно третьего (?) сказал, что буду в состоянии ответить утвердительно, без всяких смущений, через два или три месяца (!). Но я не сомневаюсь, что отвечу утвердительно, и тогда, увидите, будет такой триумф, от которого похерятся (!) все психисты!».

Это письмо писано 8 Октября 1885 года. Значит, в то время, когда г. Соловьев знал, как и теперь, все обманы и злостные дела «воровки душ», которую уже давно стремился обличить и обезоружить, дабы явиться самоотверженным спасителем «невинных душ» парижан, изловленных ею, как сенсационно рассказывает читателям в продолжение целого года. Так зачем же губил он «невинную душу» профессора Рише, утверждая его в погибельных заблуждениях, против которых, если верить ему, еще с осени 1884-го года облачился в латы и шлем Дон Кихота?!

«Странное дело! Непонятная вещь!», – остается нам воскликнуть. Не свидетельствует ли сей факт красноречиво, что я права, вопрошая в недоумении: когда же и которым именно показаниям г. Соловьева мы можем верить, ничем не рискуя?!

Я выше позволила себе назвать г-жу де Морсье – «легковерной». Но да не подумают читатели, что я это сказала от себя. Нет! я только повторяю слова ее друга, г. Соловьева. Дело в том, что он не всегда был ее другом: вначале мне не раз приходилось заступаться за нее в разговорах с ним; он подружился с нею уж после нашего отъезда, и вот, как писал нам об этом и о ней:

«...Был я целых три раза у m-me Морсье; она, кажется, добрая, но легковерна до комизма и в то же время считает себя скептической особой...» (7 июля 1884 г.). Увы! Вот этой-то слабостью и воспользовались находчивые люди, чтоб ею орудовать по своему усмотрению... Но об этом после.

Вот еще отрывок из письма г. Соловьева Е.П. Блаватской, из Парижа в Лондон, месяцем позже (6 Августа, 1884 г.).

«...М-me Морсье уехала к морю, очень довольная тем, что Master (учитель) узнал об ее страхе холеры и через Djual Khool'a (?) просил ее не бояться. Перед отъездом своим она, у старика Эветта[9], пришла в экстатическое состояние, ощупывала меня (!) и решила, что я «душка» и из одной с нею сферы, тогда как в бодрственном состоянии продолжает считать меня ледяным и загадочным человеком...

Она славная и начинает мне нравиться; но, если бы я был ее мужем – я собственноручно бы убил ее!».

Что сей сон значит? – не нашего ума дело.

Примечания

1

Газ. «Новости». «Чужие мнения о русской женщине».

(обратно)

2

Психологические трюки (англ.). – Ред.

(обратно)

3

Имею письменные доказательства в верности моих переводов от лиц, писавших статьи.

Об этом речь впереди.

(обратно)

4

Fin de siècle – эпиграф к сочинению Вс. С. Соловьева, смысл которого разъясняется в гл. XXIX. – Ред.

(обратно)

5

Жребий брошен (лат.). – Ред.

(обратно)

6

Моя линия поведения резко очерчена (фр.). – Ред.

(обратно)

7

Инцидент Соловьева (фр.). – Ред.

(обратно)

8

Мне очень жаль, что я не могу по размерам статьи писать свободно все, что могло бы привести в пользу сестры моей. Иначе я непременно перевела бы сюда прекрасное письмо графини Адемар из «Люцифера» за июль 1891 г., которым она чествует память Е.П.Б[латовской], напоминая м-ру Джадзу о «чудных двух неделях», проведенных ими в Enghien, в гостях у нее.

(обратно)

9

Это тот самый Эвент, магнетизер и друг бар. Дю-Поте, которого г. Соловьев так язвит на стр. 75–77.

(обратно)Оглавление

I

II

III